

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ЛАТЫШИ: ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ ЭТНОНИМА В РУССКИХ ДОКУМЕНТАХ XVI–XVII ВЕКОВ

ТЕ ЛИ ЭТО ЛАТЫШИ?

С началом Северной войны и последовавшим присоединением Ингерманландии и других прибалтийских шведских провинций к России население приобретенных земель в русскоязычных документах достаточно часто именовалось *латышами*. В современном русском языке *латыши* — «нация, основное население Латвии»¹, однако практика именования была распространена далеко за пределами исторического ареала латышской этнической общности. Значит, термин *латыши* в этом случае нельзя рассматривать при анализе источников в современном значении. Учитывали ли это историки? Приведем два примера.

Е. И. Индова изучала хозяйственные документы дворцовых имений вблизи Петербурга и материалы крестьянских переписей первой половины XVIII в. Одна из категорий ингерманландских крестьян именовалась в документах *латыши*. Этот термин исследователь восприняла в современном значении и, говоря о населении Ингерманландии до российского завоевания, описала его этнонимами «латыши и карелы»².

Комментируя те же цитируемые Е. И. Индовой ингерманландские переписи, Л. В. Суни отмечал, что «под латышами тогда понимались исповедовавшие “латинскую” религию, то есть финны-лютеране»³. Хотя такое объяснение кажется значительно более точным, его также следует признать ограниченным, хотя бы потому, что общефинское этническое самосознание среди носителей ингерманландских диалектов

¹ Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. С. 488.

² Индова Е. И. Дворцовое хозяйство России. Первая половина XVIII века. М., 1964. С. 102.

³ Суни Л. В. Ингерманландские финны: Исторический очерк // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 472. — Группы населения, которые именовались в Ингерманландии XVIII в. латышами, в XIX в. обрели общефинское самосознание. Сейчас это этническая группа «ингерманландские финны».

Петербургской губернии стало непреложной реальностью только во второй половине XIX в., а до этого конкурировало или даже уступало самосознанию более мелких финноязычных групп — *эвремейсов* и *саваков*. Соответственно, этнической идентичности «финны-лютеране» в Ингерманландии начала XVIII в. могло просто не существовать.

Наши примеры касаются XVIII века, но термин *латыш* в русских документах широко встречается и в XVI–XVII вв. География его использования охватывает территорию Ливонского ордена (в XVI в.), Ингерманландии и Карелии (в XVII в.), других регионов Московского государства. Чтобы понять, почему к XVIII в. этноним, сегодня относящийся только к населению Латвии, применялся для обозначения финноязычных крестьян Ингерманландии, необходимо разобраться, какой семантикой обладал термин *латыш*, впервые появившись на страницах источников, и как его семантика изменялась в дальнейшем.

Слово *латыш* принадлежит русскому языку, и хотя, видимо, имеет латышскую этимологию (на этом мы остановимся подробнее в заключении), оно уникально в своей семантике. Как будет показано, в рассматриваемый период XVI–XVII вв. слово имело более широкий спектр значений, чем его этимон. Оно означало латышей в современном смысле, иностранцев вообще, людей с дефектами речи и пр., и в других языках мы не найдем слова со столь богатой семантикой. *Латышами* называли категории населения, различающиеся культурно и лингвистически, поэтому термин нельзя рассматривать только как этноним и связывать его судьбу исключительно с латышской этнической общностью. В центре исследования — не самоназвание латышской этнической общности или ее названия в языках соседей, не история наименования латышской этнической общности в русском языке, а история слова *латыш* в русском языке раннего Нового времени и всего спектра его семантических значений⁴.

РУССКОЕ ВОЙСКО ВСТРЕЧАЕТ ЛАТЫШЕЙ

Первое упоминание о нем *латыш* (в форме *лотыш*) относится к 1270 г. и известно в качестве прозвища переписчика «Симоновского Евангелия». Переписчик оставил автограф в переписанной книге, который дословно звучит следующим образом: «писах же книги сия азъ, Гюрги, с(ы)нъ попов, гл(аго)лемаго Лотыша с Городища...»⁵ Существует

⁴ Отметим, что историю латышского эндоэтнонима *latvieši* исследовали латышские и литовские ученые Казимир Буга (Kazimieras Būga), Янис Эндзелинс (Jānis Endzelīns), Симс Каралюнс (Sims Karaļūns)). В первом томе 4-х томника под общим названием «Latvieši un Latvija» на широком историческом, филологическом материале изложено современное понимание этимологии этого этнонима. Авторы фундаментального труда отмечают, что в различных языках для обозначения населения территории современной Латвии в Средние века использовались такие этнонимы, как *летьгола* (Повесть временных лет), *lethigalli* и *lethi* («Хроника Генриха Латвийского», латинский язык), *лотыгола* (Новгородские летописи), *Letten* (немецкоязычные ливонские хроники) и др. (Подробнее об этом см.: Bušs O. Latvija un la tvieši: vārdu cilme // Latvieši un Latvija. S. I. Rīga, 2013. L. 15–29). Однако, этнонимы балтоязычного населения (латышский эндоэтноним *latvieši*, немецкий экзоэтноним *Letten* и прочие) имели очень различающиеся дискурсы употребления с термином *латыш* русских источников XVI–XVII вв. и различающуюся семантику.

⁵ Цит. по: Столярова Л. В., Кашатнов С. М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010. С. 268.

гипотеза рижского профессора богословия Р. Фелдманиса, который считал это прозвище этническим, а городище связывал с Герсикским княжеством, располагавшимся на территории современной Латвии. В своей гипотезе Фелдманис опирался на особенности языка переписчика, считая, что тот указывает на полоцкий диалект⁶. Более распространено мнение, что городище — Новгородское, об этом говорят особенности стиля написания и оформления евангелия⁷, но относительно значения прозвища *Латыши* однозначный вывод сделать сложно. Данное известие указывает лишь, что слово было известно на Руси задолго до начала его массового появления в письменных источниках XVI в.

После единичного упоминания источники умалчивают почти на три столетия. Вновь *латыши* появляются на страницах документов в записях Лебедевской летописи при описании завоевания Ливонии. В сообщении, датированном июнем 7066 г. (1558 г.), читаем: «... черные люди, Латыши и Баты и Чюхны, изо всего Сыренского уезду...» (в истоке Наровы)⁸. Далее сообщается: два *латыша* доносили о бегстве войска магистра Ливонского ордена и епископа из Керепети⁹ (эст. Kiruprää). В следующем году, после описания взятия Смелтина (латыш. Smiltene) казаками: «а немец взяли живых двадцать человек да двести *Латышей* со всеми животы»¹⁰. Летопись, известная в позднем списке, восходит к Лицевому летописному своду, однако имеет и важные отличия от него. Упоминания *батов* (возможно — *вожан*, *watjalain*) здесь достаточно уникально, и сложно представить, что летописец вставил их в повествование исходя лишь из общепринятого словаря того времени.

К тому же году относится упоминание *латышей* в псковских летописях: осенью 1558 г. магистр осадил город Рындек (эст. Rõngu) недалеко от Юрьева (Дерпта), и воевода Михайло Петрович Репнин «имал ежедней многих живых *Немец* и *Латышев*»¹¹. Интересно, что эта формула «*немцы* и *латыши*» очень похожа на известную по хронологически более ранним статьям псковских летописей формулу «*немцы* и *чудь*». Хотя Псков был ближайшим к границе городом, постоянно контактирующим с лютеранским населением Ливонии, а во время Ливонской войны являлся и основной базой для наступления, это упоминание *латышей* в псковском летописании остается единственным.

В связи с началом военных действий появляется множество посланий и грамот, где встречается слово *латыши*. В частности, *латышами* называются посыльные в послании некоего Дмитрия из Ливонии своему брату¹², однако неизвестен город, откуда

⁶ Feldmanis Roberts. Otrā lekcija 1992. gada 14. septembris (Фелдманис Робертс. Вторая лекция 1992 года, 14 сентября). URL: <http://www.robertsfeldmanis.lv/lv/?ct=bvesture&fu=read&id=1219782611> (дата посещения — 06.08.2017).

⁷ Ср.: № 180. Евангелие апракос полный // Славянские Евангелия: Интернет-версия электронного многотекстового издания, URL: http://manuscripts.ru/gospel/SK_180.html (дата посещения — 10.08.2017)). Об этом см., например: Попова О. С. Новгородская рукопись 1270 г. (миниатюры и орнамент) // Византийские и древнерусские миниатюры. М.: Индрик, 2003..

⁸ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 29. М., 1965. С. 266.

⁹ Там же. С. 267.

¹⁰ Там же. С. 277.

¹¹ Псковские летописи. Вып. II. М., 1955. С. 237.

¹² № 64 (1558 г.). Грамотка с театра военных действий в Ливонии, от неизвестного Дмитрия к своему брату Дружине Борисовичу, в которой извещает его: о приближении великокняжеского войска, о сообщенных воеводам вестях, о посылке по тем вестям голов с коневыми

писал Дмитрий. В грамоте Ивана IV магистру Ливонского ордена от 11 апреля 1559 г. говорится о «чухнах и латышах» в землях, взятых московским войском, причем упоминаются «юрьевские, ракоборские и все наши взятые места»¹³. В том же году предметом переписки становится ограбление в Колывани (Таллин) присланных в качестве посыльных из Ракобора (эст. Rakvere) латышей Фомы и Лавра. Там же говорится о местных (ракоборских) латышах, которые «бегают... за рубеж», то есть в Колывань¹⁴.

В переписке юрьевского воеводы Ивана Челядина с Гетманом Зоткевичем 1562 г. латыши упоминаются как посыльные, а некто Андруш называется то латышом, то чухном¹⁵. Е. Л. Назарова обосновала гипотезу, что Андруш был этническим ливом, и поэтому, проживая при этом в латышском языковом ареале, мог именоваться сразу двумя онимами¹⁶. Располагая значительным числом известий, где латышами называются крестьяне и в латышском языковом ареале, и в эстонском, мы считаем, что дело здесь скорее в неустоявшейся терминологии юрьевской канцелярии.

Первые упоминания онима относятся к местам, где среди крестьян были распространены как балтские диалекты (Смелтин), так и прибалтийско-финские (Ракобор, Юрьев, Рындек). Вероятно, латышами называли любое не-немецкое население Ливонии, где действовали московские войска, независимо от языковой и культурной принадлежности. Между тем в 1562 г. появляется документ, где термины «латыш» и «латышский» упоминаются в значениях, близких к современным.

«Договорная грамота царя Ивана Васильевича с датским королем Фредериком II-м, кому какими городами и местами владеть и в какие не вступаться» от 1562 г. разделяет владения немецкого, латышского и даже ливского «языков», причем слово «язык» употреблялось в значении «народ». Города во владениях «ливского языка»

людьми и стрельцами, а также о том, что велено приготовить хлеб для ратных людей и об обмене пленных // Русские акты Ревельского городского архива. СПб., 1894. С. 111–112. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004161231#?page=1> (дата посещения — 27.06.2020).

¹³ Опасная грамота Ивана IV ливонскому магистру с предложением прибыть для капитуляции в Москву. 11 апреля 1559 г. // *Филошкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 696.

¹⁴ № 73. (1559 г.), сентября 21. Отписка Ракоборских наместников и воевод, Бориса Степановича Колычова и Домотрия Федоровича Пушкина, в Колывань, бургомистру, ратманам, посадникам, полатникам и всем Колыванцам: 1) об освобождении, напрасно задержанных с товаром в Колывани, посланца Псковского гостя Ивана Преподобова и Ивангородских гостей Ивана Щукина с товарищами; 2) о взаимном обмене пошанных «на делех» людей вообще и в частности о выпуске на обмен сына боярского Ивана Лыкова; 3) об удовлетворении Латышей Фомы и Лавра, ограбленных Колыванскими стрельцами и 4) о выдаче Латышей, которые, заворовав, скрываются за рубежом // Русские акты Ревельского городского архива. С. 129–132.

¹⁵ № 5. 1562, сентября 25 – ноября 22. Переписка боярина Ивана Петровича Челядина, воеводы городка Юрьева-Ливонского, с литовским гетманом Григорием Александровичем Хоткевичем о необходимости заключить между государями мир // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892. С. 69, 74, 76.

¹⁶ Назарова Е. Л. Сведения русских источников XVI в. о ленниках местного происхождения в Ливонии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 г. М., 1989. С. 290–291.

и «латышского языка», соотносятся с историческими ареалами проживания ливов и латышей, а владения «немецкого языка» охватывают исторический ареал эстонцев¹⁷. Иногда подмечались очень тонкие подробности: касаясь «пашенных людей» города Руина (латыш. Rūjiena), указывалось, что они «дву языков, чюхны да латыши»¹⁸. Действительно, Руин расположен на границе проживания латышей и эстонцев¹⁹. Если «владения языков» — представления автора документа о расселении народов, то языковую картину Ливонии показывали названия городов, которые, кроме русского, приводились на других языках «по латышски», «по чюдски» или «по немецки». «По латышски» приводятся названия как для владений «латышского языка», так и «ливского», «по чюдски» — во владениях «ливского языка», а также «немецкого языка»²⁰. Автор грамоты не использовал напрашивающееся понятие «владения чюдского (или “чухонского”) языка [т. е. народа]», однако отмечал наличие в северной Ливонии чюдской речи. Кроме того, автор не различал родственные ливские и эстонские диалекты, относящиеся к одной финно-угорской языковой семье, в отличие от латышских диалектов, относящихся к индоевропейской языковой семье. И в эстонском, и в ливском языковом ареале он приводил названия городов «по чюдски».

Основная часть этой грамоты была повторена в грамоте 1578 г.²¹ Во всех отношениях эти документы являются важнейшим ономастическим памятником своей эпохи, в основном точно повторяя языковые и этнографические классификации позднего Нового времени. Однако их появление не повлекло уточнения терминологии для обозначения населения Ливонии в других документах. Оним *латыши* продолжает употребляться для обозначения местных жителей (городских и сельских) не немцев, а также Ливонии XVI в. и соседних территорий. Кратко перечислим эти сообщения.

В 1563 г. латыши упоминаются в проезжей грамоте царя Ивана IV в формуле «нашей вотчины Вифлянские замли мызники и немцы и *латыши* и чюхны» (грамота приведена в тексте Александро-Невской летописи²² и в посольских книгах²³). В 1565 г. в грамоте воеводы Ф. И. Чулкова в Колывань упоминается посольный «ругодивский *латыши* Юрка»²⁴. В 1567 г. в памяти русским послам к королю Сигизмунду-Августу

¹⁷ Риттих А. Ф. Этнографическая карта Прибалтийского края. СПб., 1873.

¹⁸ Договорная грамота царя Ивана Васильевича с датским королем Фредериком II-м, кому какими городами и местами владеть и в какие не вступаться // Ульфелдт Я. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 512.

¹⁹ Риттих А. Ф. Этнографическая карта.

²⁰ Договорная грамота царя Ивана Васильевича... С. 514–515.

²¹ Русско-датская перемирная грамота 1578 г. // Ульфелдт Я. Путешествие в Россию... С. 550–570.

²² ПСРЛ. Т. 29. С. 318.

²³ № 12. 1563, ноября 18 – 1564, января 9. Посольство от короля Сигизмунда-Августа к царю Ивану Васильевичу с панами Юрием Александровичем Хоткевичем, Григорием Воловичем и писарем Михаилом Халабурдой для переговоров о мире // Сборник императорского русского исторического общества. С. 299–300.

²⁴ Грамота Нарвского наместника Ф. И. Чулкова в Колывань о нападениях на нарвских торговых людей, 16 октября 1565 г. // Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 725.

указывалось, что в походе на Полоцк вместе с русской армией участвовали «и немцы, и чюхны, и латыши»²⁵.

В 1571 г. в отписке из Колывани предлагается обменять захваченного сына боярского и стрельца на находящегося в русском плену «латыша Обранца Иванова сына»²⁶. Русские воеводы выражали согласие на обмен, называя предназначенного к обмену латыша «Янца Анцов сын»²⁷. В послании 1573 г. Ивана IV к «панам рад» упоминались жители Великого княжества Литовского, латыши, пойманные «в затонех»²⁸. В 1574 г. снова говорится о латыше, как о посланнике, в отписке пайдинского наместника Михаила Безнина в Колывань. Там же упоминаются колыванские латыши, бившие челом русскому государю в Пайде²⁹ (эст. Paide).

В Разрядной книге 1475–1605 гг. латыши упоминаются под 1577 г., в основном как посланники, доставлявшие грамоты и распоряжения. Упоминается влехский латыш (житель города Влех, латыш. Valka)³⁰, левдунский латыш Петрик (житель Левдуна, латыш. Ļaudona)³¹ и другие. В документе 1578 г. (декабрь, ранее 26-го числа) вдова описывает гибель своего мужа: «Послали... мужа моего Григорья... проведывати про колыванских немец. И... [в] Велике мызе, и стретили его колыванския латыши»³².

Воевода г. Резицы (латыш. Rēzekne) Р. Алферьев в 1577–1578 гг. сообщал в Разрядный приказ о злоупотреблениях других воевод: «...посылает, государь, Данила Ржевской

²⁵ № 18. 1567, февраля 2 – апреля 9. Отправлена из Москвы посольства от царя Ивана Васильевича к королю Сигизмунду-Августу с боярином Федоромъ Ивановичем Умнаго-Колычевым с товарищами для заключения перемирия // Сборник императорского русского исторического общества. С. 460.

²⁶ № 96. 1571 г. Отписка из Колывани, от королевско-шведских воевод, бурмистров и ратманов, великокняжеским воеводам Петру Васильевичу Морозову и князю Андрею Ивановичу Стригину-Оболенскому, об обмене пленных: сына боярского Ивана Охлабаева и стрельца Ратмана — на Латыша Обрамцона и на одного из двух немецев, Коляна или Бельхольта // Русские акты Ревельского городского архива. С. 195–198.

²⁷ № 97. 1571 г., марта 9. Отписка боярина и воеводы Петра Васильевича Морозова и воеводы князя Андрея Ивановича Стригина-Оболенскаго, в Колывань, королевско-шведскому воеводу Клаусу Аккесону и Колыванскому бургомистру Ивану Кенику с товарищами: 1) о готовности отдать пленнаго Латыша, въ обмен на стрельца Ратмана; 2) объ отпуск изъ плена сына боярскаго Ивана Охлабаева не на обмен, а на выкупъ, и 3) о выдаче на обмен тела убитого на приступ сына боярскаго Михаила Кропоткина // Русские акты Ревельского городского архива. С. 197–200.

²⁸ Послание Ивана IV к панам рад от 2 марта 1573 г. // Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... С. 728.

²⁹ № 135. 1574 г., августа 22. Отписка воеводы и наместника Пайдинскаго Михаила Андреевича Безнина колыванским здержателям, ротмистрам, бургомистрам, ратманам и палатникам, в которой ставит на вид, что они неправильно называют мызу Куймицу владением Колыванского монастыря, что по делу о перемирии надлежит обратиться с челобитьем к самому великому государю и проч. // Русские акты Ревельского городского архива. С. 309–312.

³⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. III. М., 1982. С. 507.

³¹ Там же. С. 516.

³² Документы Ливонской войны: подлинное делопроизводство приказов и воевод. 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Т. III. М.; Варшава, 1998. С. 174.

детей боярских, которые с ними посланы, Фендрика Уварова з братьею, по деревням по *латышом*, и те, государь, дети боярския приезжают з Даниловыми людьми к городу в полночь с пивом и хлебом с возы, и в город их Данила к себе пускает»³³. В ответ на послание, 21 января 1578 г. была направлена грамота из Городового приказа воеводам г. Резицы кн. П. С. Лобанову-Ростовскому и Д. Г. Ржевскому с требованием о прекращении злоупотреблений: «Да и в тот деи город к себе вы *лотышей* пускаете»³⁴.

В том же 1578 г. воевода Круцборха (латыш. Krustpils) писал государю о том, сколько ушло государева запаса «стрельцом и казаком, и пушкарем, и *латышом*», а позже упоминал «*латышев* ...левдупских» и «грабеж *латыский*»³⁵. 25 января 1578 г. в наказной памяти И. Т. Мясоедову предписывалось в «новые немецкие города» «Вифлянской земли» (перечислялись города в основном на территории современной Латвии) собрать «тутошних з ближних волостей *лотышей*»³⁶. В третьем послании князя Курбского к Ивану Грозному, написанном в 1579 г., автор упоминает «*латышей*» в городе Кесь (латыш. Cēsis)³⁷.

Джером Горсей, описывая события последнего десятилетия царствования Ивана Грозного, сообщает об убийстве слуги Андрея Яковлевича Щелканова Ивана *Лотыша* (Lottish)³⁸. В протоколах Ям-Запольского перемирия 1581 г. указывается, что московские войска должны эвакуировать из ливонских городов свое имущество при помощи «*латышских* крестьян», причем в перечне оставляемых городов были расположенные как на территории современного расселения собственно *латышей*, так и эстонцев³⁹.

Как видно из представленных известий, *латышами* времен Ливонской войны могли называть любое подчинявшееся немецким феодалам местное население, независимо от того, говорили ли они на балтских диалектах, или на прибалтийско-финских. Параллельно существовали источники — договорные грамоты 1562 и 1578 гг. — четко выделяющие «латышей» в языковом смысле, отделяя их от чухны или чуди северной Ливонии и даже от ливов. Возможно, это разделение отражает знания и политику категоризации разных слоев московского служилого сословия: служащие Посольского приказа в Москве, составлявшие проекты международных договоров, хорошо знали языковую и культурную картину Ливонии, тогда как для местной русской администрации

³³ Буганов В. И. Переписка Городового приказа с воеводами Ливонских городов в 1577–1578 годах // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 297.

³⁴ Буганов В. И. Переписка Городового приказа... С. 297.

³⁵ № 10. 1578 г., между 17 и 21 января. Отписка воеводы Круцборха кн. Т. М. Путятина с сообщением о присылке жалованья, о задержке с присылкой артиллерии, попа, воротников, сторожей из Пскова, с сооружением житниц и храма из-за нехватки посошных людей, о нехватке хлеба и соли // Буганов В. И. Переписка Городового приказа... С. 300–301.

³⁶ № 17. 1578 г., января 25. Наказная память, данная из Городового приказа И. Т. Мясоедову и подьячему С. Болдыреву, об обследовании укреплений Ливонских городов // Документы Ливонской войны. (Подлинное делопроизводство приказов и воевод). 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). Т. III. М.; Варшава, 1998. С. 87.

³⁷ Третье послание Курбского Ивану Грозному // Библиотека литературы Древней. Т. 11: XVI век. СПб., 2001. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9113> (дата посещения — 27.03.2017).

³⁸ Горсей Д. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1991. С. 81.

³⁹ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 183–184.

в Ливонии она была не важна. К сожалению, документов московского происхождения гораздо меньше, чем местной ливонской переписки, чтобы говорить об этой тенденции более убедительно.

Параллельное бытование двух значений онима породило и различное его понимание в историографии. По мнению Е. Л. Назаровой, оним «латыш» в русских документах времен Ливонской войны означает латышей в современном значении этого слова (тогда как эстонцы обозначались онимом «чухна»). Исследователь утверждает, что «русская канцелярия отличала латышей от эстонцев достаточно четко»⁴⁰. Такой вывод был сделан на основе анализа разрядных книг, переписки русских воевод, проезжих грамот Ивана IV, однако в фокус рассмотрения попали лишь документы, касающиеся исторического ареала проживания латышской этнической общности. Документы Ливонской войны с более северных территорий, рассмотренные нами выше, показывают, что четкость в отличении *латышей* от *чухны* в целом нехарактерна для источников того времени.

Эстонский ученый А. Селарт, рассмотрев те же категории документов, но уже касающиеся всей территории Ливонии, пришел к выводу, что административная переписка русских служилых людей времен Ливонской войны была не чувствительна к деталям этнической ситуации, и термины *чухна* и *латыши* употреблялись как синонимы, без этнической окраски. Исследователь справедливо сравнивает их с таким средневековым русским онимом, как «немцы», применявшимся отнюдь не только к уроженцам Германии⁴¹.

ЛАТЫШИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЛИВОНИИ

Распространенная в Ливонскую войну практика захвата пленных для поселения в России стала причиной появления термина *Латыши* (часто в соседстве с прозвищем *Немчин*) в писцовых книгах различных регионов Московского государства, в том числе географически далеких от театра Ливонской войны. Например, в писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 гг. читаем: на землях князя Нурушева «Якушко Дербьшев — *латыши*, Анца Сонталеев — *немчин*»⁴², князя Камая — «*латыши* Мих»⁴³, в других местах — «*латыши*... Исенгильдейко»⁴⁴, «*латыши* Ондрюшко»⁴⁵, «*латыши* Гришка»⁴⁶, «Якуш *латыши*»⁴⁷, «Янка *Латыши*»⁴⁸; *немчины* встречаются столь же часто. Формула «чювашских и *латышских*... дворов» воспроизводится в источнике неоднократно. По мнению И. П. Ермолаева, *латышами* в книге обозначалось «нерусское население западных областей»⁴⁹.

⁴⁰ Назарова Е. Л. Сведения русских источников XVI в. ... С. 290.

⁴¹ Selart A. Lätlased ja tšuhnaad: kohalikud ja võbrad Liivi sõja aegses Eestis ja Lätis // Ajalooline Ajakiri. 2010. № 1 (131). L. 6.

⁴² Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Казань, 1978. С. 116.

⁴³ Писцовая книга Казанского уезда... С. 119.

⁴⁴ Там же. С. 131.

⁴⁵ Там же. С. 134.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 39–40.

⁴⁸ Там же. С. 55.

⁴⁹ Ермолаев И. П. Писцовая книга Ивана Болтина как источник // Писцовая книга Казанского уезда... С. 18.

Грамота 1593 г. царя Федора Ивановича к воеводам и дьякам в Казани подтверждает, что латыши на Волге — пленники, приведенные из Ливонии. В ней говорится, что татары «полон у себя держат немецкой»⁵⁰, «полон немецкой и литовской»⁵¹. Дальше раскрывается состав полона: рекомендуется, чтобы некрещенные татары и немцы владели только некрещеными, то есть «*литвой и латышами*», «принимали к себе или купили *литву*, и *латышей*, и *татар*, и *мордву*»⁵² (последние две категории, разумеется, не относились к составу западных пленников).

В писцовых книгах других земель Московского государства термин *латыши* также встречается. В писцовой книге 1608 г. Яранского уезда на Вычегде записано двое *латышей*⁵³; встречаются *латыши* и в Малороссийских переписных книгах 1666 г.⁵⁴ В Пошехонье крестьяне-*латыши* фиксируются довольно рано — в писцовой книге 1593–94 гг., на землях Богоявленского Островского монастыря⁵⁵. В 1600 г. трое *латышей* обнаруживаются среди ссыльных в Сибири, на Таре⁵⁶. В приходно-расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря 1606/1607 гг. упоминается сразу несколько лиц, обозначенных как *Латыши* или *Латышов*. Наряду с этим, другие поименования с потенциально этнонимической этимологией встречаются единично — в частности, *Татарин*, *Татарник*⁵⁷. Это делает *латышей* самой многочисленной категорией этнонимных обозначений в данном источнике.

В некоторых случаях, очевидно, нужно предполагать скорее экспорт термина, нежели переселение *латышей* с территории Ливонии. Наиболее раннее проникновение термина *латыши* за пределы Ливонского театра военных действий фиксируется в хронике Мачея Стрыйковского, вышедшей в 1582 г. Она содержит наиболее ранние сведения по некоторым лингвонимам Водской пятины Новгородской земли. В ней сообщается,

⁵⁰ Цит. по: К истине — через документы // Эхо веков. № 1/2. 1999. С. 295 : Царская грамота в Казань, о построении слободы с церковью и переводе туда из уезда новокрещенов, поколебавшихся от соседства с иноверцами в православной вере, о разрушении татарских мечетей, с запрещением впредь строить оные, и о недозволении русским людям жить в услужении у татар и немцев (Акты Археографических экспедиций. Т. 1. СПб., 1836. № 358. С. 436–439).

⁵¹ К истине — через документы... С. 296.

⁵² Там же. С. 297. — В статье Т. А. Опариной и С. П. Орленко замечается по этому поводу: «Мурзы только что завоеванного Казанского ханства приняли активнейшее участие в Ливонской войне и, как результат, стали обладателями тысяч пленных. Доставленные в поместья мурз, «латыши» изменили демографическую ситуацию Поволжья. На протяжении XVI–XVII вв. их фиксировали переписные книги как одну из этнических групп этого региона» (Опарина Т. А., Орленко С. П. Указы 1627 и 1652 годов против «некрещенных иноземцев» // Отечественная история. 2005. № 1. С. 22–39).

⁵³ Писцовая книга Яранского уезда письма и дозору Василия Ларионова и подьячего Андрея Горохова 7116 года // Акты времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.). Императорское Общество Истории и Древностей Российских. М., 1914. С. 317, 319.

⁵⁴ Малороссийские переписные книги 1666 года. Киев, 1900. С. 251–252.

⁵⁵ К истории Богоявленского Островского монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 9. 2003. С. 358–359.

⁵⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II. М.; Л., 1941. С. 551.

⁵⁷ Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1606/07 г. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 331–384.

в частности, что в Кореле (расположенной, по определению автора, «к северу от Новгорода в сторону Финляндии») жители говорят на латышском (lotewskom) и иговском (igowskim — вероятно, ижорском, но, возможно, речь идет и о языке южной Эстонии, по латышскому названию Эстонии — Igaunija⁵⁸) языках⁵⁹. Можно предположить, что у польского хрониста были русские источники этой информации — об этом говорит форма записанных лингвонимов. Перенесенный в Водскую пятину термин *латыши* не только стал обозначать какое-то население этой области, но и использовался в качестве этимона для образования названия языка этого населения. Упоминания латышей на северо-западе новгородских земель Московского государства с этого времени становится достаточно частым.

Уже в записи Писцовой книги Обонежской пятины 1583 г. мы обнаруживаем оным *латыши*. В ней упоминается крестьянин *Латыш* Ефремов; интересно, что, по мнению А. И. Соболева, этот же крестьянин был записан в писцовой книге 1563 г. с другим прозвищем — Карей, восходящим к прозвищу **Karjalaine* (то есть карел)⁶⁰. Дальнейшее рассмотрение источников, касающихся северо-западных окраин Русского государства, показывают, что здесь, уже после окончания Ливонской войны, сложилась собственная традиция употребления оными *латыши*, вероятно, лишь генетически связанная с ливонской.

Например, в жалованной грамоте от 1 ноября 1598 г. даются льготы не только «корельским людям всей корельской земли», но и «*латышам* свейские и финские земли», которые «живут ныне в Корельской земле» или переселятся туда в будущем⁶¹. Записная книга старых крепостей 1598 г. содержит кабалы на нескольких человек с прозвищем *Латыш* и одного *Немчина*. При этом *латышами* называются не только жители бывших ливонских провинций, но и шведских: «Василей Отучев сын Калитина продал Ивану Головачеву половину *латыша* свою выть, что оне полонили в Свее под Выбором»⁶², «Ильютка Андрусос сын юрьевского полону *латыши*»⁶³, «девка *латышка* Маринка неметцкого полону»⁶⁴. В 1614 г., в отписке Каргопольских воевод шведское

⁵⁸ Selart A. Lätlased ja tšuhnaad... L. 12.

⁵⁹ Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Wydanie nowe, sedace dokladnem powtorzeniem wydania pierwotnego krolewskiego z roku 1582, poprzedzone wiadomoscia o zyciu i pismach Strykowskiego przez Mikolaja Malinowskiego, oraz rozprawa o latopiscach ruskich przez Danilowicza. Warszawa, 1846 (цит. по русскому переводу А. Игнатьева «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси Мачея Стрыйковского»). URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Strykovski_2/text5.htm (дата посещения — 29.04.2017).

⁶⁰ Соболев А. И. Карельское наследие топонимии юго-восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 50.

⁶¹ Жалованная грамота об отдаче жителям Корельска дворов, построенных в городе и на посаде Шведами, во время владения ими Корелюю, и об освобождении корелян городских и уездных людей от платежа податей, пошлин и оброков в течение десяти лет // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. I. СПб., 1846. С. 253–254.

⁶² Записная книга старых крепостей 1598 г. // Материалы по истории крестьянства конца XVI и первой половины XVII в. // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги библиотеки Академии наук СССР. Л., 1966. С. 164.

⁶³ Записная книга старых крепостей 1598 г. ... С. 177.

⁶⁴ Там же. С. 172.

войско, стоящее в Корельском уезде, характеризуется как «непрямые немцы худые люди Латыши порубежные»⁶⁵.

Для Псковских земель, мы, скорее всего должны предполагать не насильственное переселение латышей, не перенос этого онима на какое-то местное население, а колонизацию пустующих земель выходцами с порубежных территорий. В дозорной книге поместных земель Вороначского, Себежского, Велейского уездов Псковской земли 1613/1614 гг. упоминается шестнадцать крестьян с обозначением Латыши⁶⁶, что достаточно много по сравнению с другими рассмотренными писцовыми книгами. Во ввозной грамоте 1599 г. также упоминается крестьянин «Ондрюша Латыши», причем запись относится, видимо, к Вышегородскому уезду, расположенному на юге Псковской земли⁶⁷.

К началу XVII в. оним латыши вошел в значительное число региональных вокабуляриев, а значит, вряд ли мог миновать и столичных жителей. Действительно, в «Московской хронике» Конрада Буссова есть интересное место, описывающее, что именно русские в Москве считали неприемлемым в деятельности Лжедмитрия в 1606 г. Среди прочего говорилось: «У священников он [Лжедмитрий] отнимает дома и отдает их латышам (*den Lattuschen*) (они [русские] подразумевали под этим немцев, обычно же латышами именуют не немцев)»⁶⁸. В этой же хронике Буссов говорит, что русские вельможи ругали немцев, находящихся на службе у Лжедмитрия II, словом латыши (*Lattuschi*)⁶⁹.

В словаре Ричарда Джеймса, записанном в 1618–1620 гг., мы находим словарную статью Латыши, которую стоит привести полностью: «Они сами хорошенько не знают, почему так говорят: употребляется это слово неодобрительно. Одни говорят, что оно обозначает язычника, некрещеного человека, а таковыми они считают всех, кроме себя. Другие говорят, что это слово означает человека, не умеющего говорить на их языке, так, например, малым ребятам они говорят иногда: Латыши! Не умизт говорить!»⁷⁰

Такое значение просуществовало в псковских и тверских говорах до XIX в., что было зафиксировано В. И. Далем: «Латышать, латышить твр. Пск. картавить, шамкать, нечисто говорить. Ребенок латышит, латышкает, лепечет, начинает говорить. Латыш или

⁶⁵ Отписка Каргопольских воевод Ивана Дашкова и Степана Пустошкина о приходе Литовских воинских людей в Шуйскую волость Новгородского уезда и о намерении их идти на Белоозеро и под Кирилов монастырь // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 4. Петрозаводск, 1902. С. 107.

⁶⁶ Дозорные книги поместных земель Вороначского, Себежского, Велейского уездов Псковской земли начала XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 146–164.

⁶⁷ 1599 г., марта 16. Ввозная грамота боярина и воеводы кн. Андрея Ивановича Голицына Степану Беклешеву на дд. Золотое, Дмитрово и др. с пустг. и сщц. в Покровской губе, дд. Федотово, Ргакино и др с пустг. в Ключицкой губе, пуст. в Спасской губе Красногородского у. и дд. Хортово и Перелогово с пустг. в Елинской губе Вышегородского // Новые документы по истории новгородской и псковской служилых корпораций XVI–начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 122.

⁶⁸ Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 116–117.

⁶⁹ Буссов К. Московская хроника... С. 174.

⁷⁰ Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. С. 286–288.

латышала м. Картавый; латышка ж. те же, или м. Ласкат. ребенок, лепетун»⁷¹. Богатая тема использования этнонимов в качестве пейоративов на «латышском» материале требует своего отдельного раскрытия, но здесь более уместно рассмотреть, как употреблялся оним *латыши* в дальнейшем, обрета общерусское звучание.

Мы продолжаем встречать термин в документах, касающихся населения шведских провинций к югу и к северу от Финского залива — как бывших территорий Ливонского ордена, так и старых шведских владений. В 1614 г. псковские воеводы сообщали, что взяли двух *латышей* под Сыренеском (исток Наровы), которые донесли о перемирии между «немецкими людьми» и «литовскими людьми»⁷². В дальнейшем большое внимание московское правительство уделяло проблеме миграции населения через новую шведско-русскую границу, и большинство обнаруженных упоминаний онима *латыши* XVII в. относится именно к этому вопросу.

В 1617 г. в наказе государевым воеводам чаще всего *латыши* упоминались в составе формулы «*чухна и латыши*», соседствовали с наименованиями «*Русские люди*» и «*Немцы*», а также просто — крестьяне⁷³. Про «*чухну и латышей*» говорилось в наказе, что они «после немец остались в Ноугородском уезде в государевых дворцовых селех, или в поместьях, и в вотчинах дворян и детей боярских, и в монастырских»⁷⁴. Наказывалось также, чтобы «немецкие люди и *Латыши* по тоже в Государеву сторону лазучеством никоими обычаи не ходили»⁷⁵. Далее, при описании возможных сторон судебных разбирательств, упоминались «*латыши* Новгородскаго же уезда, которые остались у немец и «за рубежные *Немцы* и *Чухны*», которые могли «бить челом» на «*латышей* или на русских людей», а также «русские люди», которые могли «бить челом» на «*Немец* и на *Латышей*»⁷⁶.

Описывая торговлю со Швецией в 1620 г., соловецкий игумен пишет о приезде в Ребольский погост «немецких порубежных *латышей*»⁷⁷. В «отбойной памяти» 1628 г. сообщается о попытках сыска перебежчиков в пограничных со шведскими владениями погостах (современная средняя Карелия). В грамоте говорится о наличии в волости «перебежчиков, *латышей* и русских людей»⁷⁸, при этом два перебежчика в Кимашозерской волости более конкретно названы *корелянами*. Почему же кореляне не упоминаются среди основных категорий перебежчиков? Очевидно, термины «*латыши*» и «русские люди» здесь, хотя они и схожи с этнонимами, указывают на западно-христианское

⁷¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб., 1881. С. 244.

⁷² Акты московского государства, изданные Императорской академией наук. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. С. 103–104.

⁷³ Разрядная книга 7125 года // Временник императорского общества истории и древностей российских. Кн. 3. 1849. С. 44–93.

⁷⁴ Там же. С. 74.

⁷⁵ Там же. С. 73.

⁷⁶ Там же. С. 76.

⁷⁷ Отписка игумена Соловецкого монастыря Иринарха в Посольский приказ со сведениями о развитии и характере пограничной торговли между северными владениями России и Швеции // Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. Документы из советских архивов. М.; Стокгольм, 1978. С. 28.

⁷⁸ Отбойная память при сыске перебежчиков 1628 г. 18 августа // Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. 286–287.

или православное вероисповедание, а «кореляне» — категория другого рода, и может быть включена в одну из двух основных в зависимости от вероисповедания.

«Отписка новгородских воевод о принятии мер против выходцев из-за рубежа и русских перебежчиков» от 1631 г. также делит перебежчиков на две категории: *русские люди* и *латыши*⁷⁹. При этом указывается, что одна из групп русских людей пришла на границу из Копорского уезда, место выхода же других перебежчиков, *русских людей* и *латышей*, не называется.

В наказе, данном русским послам, отправленным в Стокгольм в 1649 г., описывается случай нарушения границы шведскими подданными. На землях недалеко от Печорского монастыря «зарубежской новгородской *латыш* Ондрюшка Мамкин на ц. в-ва дворцовой пустоши Осиновицы двор поставил, а ныне живет тут и всякими угоды владеет чюхно Томоско». «Новгородский» в данном случае означает, видимо, не выходец из новгородских земель (иначе почему тогда «зарубежский?»), а крестьянин шведской стороны, пришедший из-под Нового городка (так называется в древнерусских источниках Нейгаузен, располагавшийся на территории современной Южной Эстонии). В данном случае интересно, видел ли автор наказа (или его информант) какую-то разницу между *латышом* Ондрюшкой и *чюхно* Томоско, или эти наименования использованы как синонимы.

В 1650 г. олонечские воеводы направили «память» казакам на пограничную заставу, в которой устанавливали, кого следует, а кого не следует пропускать без проезжих грамот. В частности, для обозначения пересекающих границу используются две категории: «королевские крестьяне» или *латыши*, и «государевы крестьяне»⁸⁰. В 1656 г. Белозерский воевода отписывал царю о сборе денег с вотчинников и помещиков за перебежчиков из шведских земель — *корелян* и *латышей*. При этом интересно, что эта пара онимов употребляется только при общем обозначении сбора, а при росписи платежей конкретных вотчинников и помещиков воевода пишет только о плате «за корелян»⁸¹.

Согласно донесению Олонечского воеводы Петра Пушкина, в мае 1656 г. на Олонец пришли 121 *карел* и 20 «некрещеных *латышей*» (опубликовавший известие А. С. Жербин поясняет здесь — «то есть финнов»)⁸². В царской грамоте 1657 г. сообщается о крещении *латышей* в «православную веру христианскую»⁸³. Наконец, в кратчайшей редакции жития Протопопа Аввакума *латыши* упоминаются как синоним «вселенских»,

⁷⁹ № 311-й. Отписка новгородских воевод о принятии мер против выходцев из за рубежа и русских перебежчиков // Акты московского государства, изданные Императорской академией наук. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. С. 331–333.

⁸⁰ Память Олонечских воевод Василья Чоглокова и Степана Елагина заставному казаку Немкову, о непропуске за рубеж в Швецию заонежских русских людей, и из-за рубежа Шведов в пределы государства без проезжих грамот // Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1842. С. 128.

⁸¹ Отписка Белозерского воеводы Никифора Тютчева о сборе денег с белозерских отчинников и помещиков за вышедших из за шведской границы перебежчиков // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1851. С. 83–84.

⁸² Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956. С. 55.

⁸³ Там же. С. 59.

с которыми царь якобы просит соединиться Аввакума⁸⁴, что показывает сохранение в вокабулярии отдельных групп населения онима «латыш» в крайне просторном, религиозном смысле.

Подвергался ли анализу при публикации этих известий термин *латыш*? Как правило, пояснения к нему были достаточно кратки. Как уже упоминалось, комментируя писцовую книгу Казанского уезда, И. П. Ермолаев полагал, что *латышами* в книге называлось «нерусское население западных областей»⁸⁵. Научный редактор рассказа соловецкого игумена о шведской торговле 1620 г. И. П. Шаскольский пояснял, что *латышами* назывались в русском языке XVI–XVII вв. соседние народы, исповедовавшие лютеранскую веру; «здесь речь идет о финнах»⁸⁶. А. С. Жербин, основываясь на изучении документов XVII в. о переселении карел в Россию, писал, что: «Переселенцы-финны в русских источниках называются обычно *латышами*, то есть людьми “латинской веры” (лютеране), или “*латышами* свейской и финской земли”. Соответственно карел, обращенных шведами в лютеранство, называли “*латышами* корельской земли”, строго отличая их от православных *карел*»⁸⁷. Очевидно, эти объяснения применимы только к тем категориям источников, на материалах которых они были сделаны, причем употребление этнонима *финны* в двух последних цитатах вызывают уже высказанную критику, касающуюся сомнений в значимости финского самосознания у финноязычного населения шведских приграничных провинций. Видимо, наиболее точно объяснил термин А. А. Селин, указав, что для XVII–XVIII вв. он обозначал лютеран и, в частности, крестьян шведской провинции Ингерманландия⁸⁸.

АНАЛИЗ И ВЫВОДЫ: ИСТОРИЯ ЛАТЫШСКОГО ДИСКУРСА

Попробуем же построить историю латышского дискурса, основываясь на приведенных материалах различных эпох, регионов и касающихся различных категорий населения. Очевидно, что распространение термина *латыш* в русских документах связано с началом Ливонской кампании Ивана IV, вступлением русских войск на территории, населенные неправославным населением, и соответственно — потребностью многочисленного русского служилого сословия каким-то образом различать это население и именовать. Категоризации населения в то время, как видно из документов, были разнообразны и конкурировали между собой. Мы встречаем этнографическую категоризацию: немцы, латыши, ливы и чудь (чухна); сословно-культурную категоризацию: немцы и латыши, а также множество упоминаний, которые сложно систематизировать. Е. Л. Назарова указывает, что многие упоминания латышей (и чухны) чаще всего связаны с исполнением какой-либо службы — посыльной или иной, что может говорить

⁸⁴ Кратчайшая редакция жития протопопа Аввакума // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 277–278.

⁸⁵ Ермолаев И. П. Писцовая книга Болтина как источник // Писцовая книга Казанского уезда... С. 18.

⁸⁶ Отписка игумена Соловецкого монастыря Иринарха в Посольский приказ со сведениями о развиги и характере пограничной торговли между северными владениями России и Швеции // Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. ... С. 28.

⁸⁷ Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII в. С. 42.

⁸⁸ Selin A. 17. sajandi usuline situatsioon Vene-Rootsi piirilal // Mäetagused. Nr. 26 (2004). L. 47. URL: <http://haldjas.folklore.ee/Tagused/nr26/selin.pdf> (дата посещения — 05.09.2018).

об обозначении онимом лейманов (землевладельцев) местного (не немецкого) происхождения⁸⁹, а значит, речь идет о сословной категоризации.

Имел ли русский оним *латыши* широкое значение изначально, или сперва все-таки обозначал только отдельные балтоязычные группы? Его происхождение от балтского этнонима до сих пор никем не оспаривалось, и вопрос здесь скорее состоит в конкретной форме этого этнонима⁹⁰. Традиционно в русских летописных источниках бытовал оним *латыгола* в различных вариациях в отношении самого близкого в русском землям балтоязычного племенного образования. Современная латышская историография считает древнейшим латышским этнонимом, упомянутым в письменных источниках, именно *лътъголу* Повести временных лет⁹¹. До появления термина *латыши* в XVI в. именно он использовался для обозначения западных балтоязычных соседей русских земель.

Важным обстоятельством является созвучие онима *латыши* с хорошо известным в русских источниках словом *латина*, обозначающим западных христиан⁹². В Новгородских летописях термин использовался для именованя крестоносцев, захвативших Константинополь⁹³, литовцев⁹⁴, европейских купцов в Киеве⁹⁵ и во многих других случаях. В псковском летописании, наиболее близком к территории Ливонии, неоднократно используется термин *Латина* в отношении противников Пскова за западным рубежом. В статье 1519 г. Псковской 1-й летописи этот термин даже пояснялся (при известии о славе Печорского монастыря): «в *Латыне*, рекше в Немецкой земле»⁹⁶. Отчасти эта традиция связана с житийной традицией и, соответственно, с летописанием событий, связанных с князем Довмонтом⁹⁷. Но есть случаи употребления термина и вне повествования о князе — в частности, орденские войска называются *латиной* в статье 1459 г.⁹⁸

Вызывает интерес также гибрид между формами «латыгольская» (относящейся к Латыголе — одному из балтоязычных средневековых племен) и «латынская», встречающейся в сообщении о событиях XIII в. списка Археологического общества «Хроники Великого княжества Литовского и Жомойтского»: «И в тот час по выехани великого князя Скимонта зь земли Латынголские пришли *немцы* з-зо моря...»⁹⁹ Созвучность этнонима и конфессионима явно бросалась в глаза еще средневековым авторам, и вряд ли осталось незамеченным в раннее Новое время. Созвучность онима *латыши*, первоначально относящегося к балтоязычному населению, с обозначением западной веры как

⁸⁹ Назарова Е. Л. Сведения русских источников XVI в. ... С. 288–292.— Подробнее см.: Назарова Е. Л. История лейманов в Ливонии. М., 1990.

⁹⁰ Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1986. С. 466; Karulis K. Latviešu etimologyjas vardnica. S. I. Riga, 1992. L. 506.

⁹¹ Bušs O. Latvija un la tvieši: vārdu cilme // Latvieši un Latvija. S. I. Riga, 2013. L. 19.

⁹² На такую этимологию указывал, как писалось выше, А. С. Жербин, но он, напротив, не уделял внимания связи онима *латыши* с Прибалтикой.

⁹³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1925. С. 592.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 504.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Петроград, 1915. С. 592.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи. М., 2003. С. 101.

⁹⁷ См., например: Псковские летописи. Вып. II. М., 1955. С. 18.

⁹⁸ Там же. С. 144.

⁹⁹ Там же. С. 252.

«латинской», возможно, стала одной из причин его распространения во второй половине XVI в. и на всех неправославных жителей Ливонии не-немецкого происхождения, а потребность русского служилого сословия в прикладной категоризации населения закрепила его в делопроизводстве.

Еще до окончания Ливонской войны начинается экспансия онима в регионы, не граничащие с Ливонией. С одной стороны, пленники *латыши* переводятся во внутренние уезды Московского государства и там сохраняют свое наименование. С другой — в регионах, где также имеется крестьянское население, приверженное западной ветви христианства, служилые люди (скорее всего, воевавшие прежде в Ливонии) распространяют на него термин *латыши* (речь, в первую очередь, о северо-западных новгородских землях). Теми же путями слово *латыш* появляется в вокабулярии столичных жителей, иностранцы фиксируют применение его в значении «неправославный иностранец», а также в качестве пейоративного (оскорбительного) наименования. На этом этапе можно говорить о вхождении термина *латыш* в язык различных регионов Московского государства, и его семантика варьируется от узкой — конкретные группы населения, до широкой — все иностранцы с Запада вообще и даже люди, плохо говорящие и не говорящие по-русски.

После поражения Московского государства в Ливонской войне *латыши* (в узком языковом смысле) на территориях бывшего Ливонского ордена еще долго не интересовали русскую бюрократию, но в пространном смысле «западные христиане» термин широко употреблялся и дожил до петровских времен. В петровское же время, как упоминалось в начале статьи, русские войска снова столкнулись с лютеранским населением завоеванных шведских провинций в Восточной Балтике, что снова стало причиной увеличения количества известий о *латышах*.

Информация о статье

Автор: Верховцев, Дмитрий Владимирович — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: DVerhovtcev@gmail.com, OrcID 0000-0001-9232-2952
Заголовок: Такие разные латыши: Изменчивость значения этнонима в русских документах XVI–XVII ввек

Резюме: Русские документы XVI–XVIII вв. содержат большое количество упоминаний онима *латыши*, который нельзя отнести к территории проживания балтоязычного населения, в более позднее время известного под этим экзоэтнонимом. До сих пор такие случаи рассматривались историками лишь локально, на материалах конкретного источника, что не объясняло явления в целом, и полная история «других» *латышей* оставалась неопианной. В настоящей статье на материалах документов времен Ливонской войны, писцовых книг, переписки, касающейся шведско-русского пограничья, сложившегося после Столбовского мира, выстраивается история онима *латыш*, охватывающая различные регионы Восточной Европы в исторический период с начала Ливонской войны до конца XVII в. Именно начало Ливонской войны и столкновения московских служилых людей с иноязычным неправославным населением земель Ливонского ордена стало причиной появления значительного количества упоминаний латышей в русскоязычных источниках. С самого начала в переписке присутствует широкое значение термина, распространяющееся на все неправославное крестьянство, независимо от языковой принадлежности. Но встречается и узкое значение (в текстах международных договоров), относящееся лишь к балтоязычным крестьянам Ливонии. В дальнейшем происходит распространение термина по различным регионам Московского государства через вывод из Ливонии пленных, которые сохраняли внешнее наименование *латыши*, а также через распространение по всему государству служилых людей, получивших опыт службы в Ливонии и продолжавших называть неправославное население, принадлежащее к западной ветви христианства, *латышами* (например, крестьян шведских провинций Финляндии и Ингерманландии). Эта ситуация привела к появлению сверхпространного

значения онима *латыши*, относящегося к иностранцам вообще, и это значение сохранилось в более позднее время в некоторых региональных говорах. Таким образом, к концу XVII в. оним имел несколько узких и широких значений, которые применялись в различных региональных и общерусских контекстах, и в большинстве случаев не являлся этнонимом в буквальном смысле.

Ключевые слова: этнонимы, латыши, Ливонская война, Карелия, Ингерманландия, этническая категоризация, ингерманландские финны, эстонцы, этнические категории, этничность

Литература, использованная в статье:

Буганов, Виктор Иванович. Переписка Городового приказа с воеводами Ливонских городов в 1577–1578 годах // Археографический ежегодник за 1964 год. Москва: Наука, 1965. С. 290–315.

Индова, Екатерина Иосифовна. Дворцовое хозяйство России. Первая половина XVIII века. Москва: Наука, 1964. 352 с.

Жербин, Алексей Степанович. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1956. 79 с.

Назарова, Евгения Львовна. Сведения русских источников XVI в. о ленниках местного происхождения в Ливонии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 г. Москва: Наука, 1989. С. 287–293.

Назарова, Евгения Львовна. История лейманов в Ливонии. Москва: Институт истории СССР, 1990. 162 с.

Опарина, Татьяна Анатольевна; Орленко, Сергей Павлович. Указы 1627 и 1652 годов против «некрещенных иноземцев» // Отечественная история. 2005. № 1. С. 22–39.

Попова, Ольга Сигизмундовна. Византийские и древнерусские миниатюры. Москва: Индрик, 2003. 334 с.

Столярова, Любовь Викторовна; Кашатнов, Сергей Михайлович. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 480 с.

Соболев, Антон Игоревич. Карельское наследие топонимии юго-восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 47–68.

Суни, Лев Вальтерович. Ингерманландские финны: Исторический очерк // Прибалтийско-финские народы России. Москва: Наука, 2003. С. 469–484.

Bušs, Ojārs. Latvija un la tvieši: Vārdu cilme // Tlatvieši un Latvija. S. I. Riga: Latvijas Zinātņu akadēmija, 2013. L. 15–29.

Karulis, Konstantīns. Latviešu etimologyjas vardnica. S. I. Riga: Avots, 1992. 670 l.

Selart, Anti. Lätlased ja tšuhnaad: kohalikud ja võõrad Liivi sõja aegses Eestis ja Lätis // Ajalooline Ajakiri. 2010. № 1 (131). L. 3–18.

Selin, Adrian. 17. sajandi usuline situatsioon Vene-Rootsi piirialal // Mäetagused. 2004. Nr. 26. L. 47. URL: <http://haldjas.folklore.ee/Tagused/nr26/selin.pdf> (дата посещения — 05.09.2018).

Information about the article

Author: Verkhovtsev, Dmitriy Vladimirovich — Graduate Student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: dverhovtcev@gmail.com, OrcID 0000-0001-9232-2952

Title: Such different Latysh: The variability of the meaning of the ethnonym in Russian documents of the 16th–17th centuries

Summary: Russian documents of the 16th–18th centuries contain a large number of references to Latysh. They are not always associated with the area of the Baltic speaking population, more recently known under this name. Until now, these cases have been considered by historians only locally, on the materials of a particular source. So the phenomena as a whole wasn't explained, and the full history of «other» Latysh remained undescribed. The author traces the history of the onym Latysh, that covers various regions of Eastern Europe in the historical period from the beginning of the Livonian War to the end of the 17th century. The study is based on the documents of the Livonian War, scribal books, correspondence relating to the Swedish-Russian borderland that emerged after the Stolbov Peace. The outbreak of the Livonian War and the encounter of Moscow campaigners with the non-Orthodox foreign-speaking population of the Livonian Order caused a significant number of references to Latysh in Russian-language sources. In the early sources there is a broad meaning of the term, extended to all non-orthodox peasants, regardless of their language affiliation. But there is also a narrow meaning (in the texts of international treaties), which refers only to the Baltic-speaking peasants of Livonia. Later, the term is widespread to various regions of the Moscow State through the withdrawal of captives from Livonia, who retained the external name «Latysh», as well as through the

dissemination throughout the Moscow state territory of campaigners, who had service experience in Livonia. Campaigners continued to call people belonging to the western branch of Christianity (for example, the peasants of Finland and Ingermanland) «Latysh». This situation led to the appearance of a super-wide meaning of the term «Latysh», that meant foreigners in general, and this meaning was preserved at a later time in some regional dialects. Thus, the term had several narrow and broad meanings that were applied in various regional and all-Russian contexts and in most cases was not an ethnonym in the literal sense.

Keywords: ethnonyms, Latvians, Livonian War, Karelia, Ingermanland, ethnic categorization, Ingermanland Finns, Estonians, ethnic categories, ethnicity

References:

- Bušs, Ojārs. Latvija un la tvieši: vārdu cilme [Latvia and Latvians: the origin of names], in *Latvieši un Latvija*. S. I. Rīga: Latvijas Zinātņu akadēmija, 2013. Pp. 15–29. (in Latvian).
- Buganov, Viktor Ivanovich. Perepiska Gorodovogo prikaza s voevodami Livonskikh gorodov v 1577–1578 godakh [Correspondence of the Gorodovoi Prikaz with the voevodas of Livonian towns in 1577–1578], in *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1964 god*. Moscow: Nauka Publ., 1965. Pp. 290–315. (in Russian).
- Indova, Ekaterina Iosifovna. *Dvortsovoe khozyaystvo Rossii: Pervaya polovina XVIII veka [Palace economy of Russia: The first half of the 18th century]*. Moscow: Nauka Publ., 1964. 352 p. (in Russian).
- Karulis, Konstantīns. *Latviešu etimologyjas vardnica [Latvian etymological dictionary]*. S. I. Rīga: Avots Publ., 1992. 670 p. (in Latvian).
- Nazarova, Evgeniya Lvovna. *Istoriya leymanov v Livonii [History of the Leimans in Livonia]*. Moscow: Institute of History of the USSR, 1990. 162 c. (in Russian).
- Nazarova, Evgeniya Lvovna. Svedeniya russkikh istochnikov XVI v. o lennikakh mestnogo proiskhozhdeniya v Livonii [Information on Russian sources of the 16th century on local fiefdom in Livonia], in *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR: Materialy i issledovaniya*. 1987 g. Moscow: Nauka Publ., 1989. Pp. 287–293. (in Russian).
- Oparina, Tatyana Anatolyevna; Orlenko, Sergyey Pavlovich. Ukazy 1627 i 1652 godov protiv «nekreshchennykh inozemtsev» [The decrees of 1627 and 1652 against «unbaptized foreigners»], in *Russian History*. 2005. № 1. Pp. 22–39. (in Russian).
- Popova, Olga Sigizmundovna. *Vizantiyskiye i drevnerusskiye miniatyury [Byzantine and old russian miniatures]*. Moscow: Indrik Publ., 2003. 334 p.
- Selart, Anti. Lätlased ja tšuhnaad: Kohalikud ja võõrad Liivi sõja aegses Eestis ja Lätis [Latvians and Chukhontsy: locals and strangers in Estonia and Latvia], in *Ajalooline Ajakiri*. 2010. No. 1 (131). Pp. 3–18. (in Estonian).
- Selin, Adrian. 17. sajandi usuline situatsioon Vene-Rootsi piirilal [Religious situation in the Russo-Swedish border area in the 17th century], in *Mäetagused*. 2006. Nr. 26. P. 47. URL: <http://haldjas.folklore.ee/Tagused/nr26/selin.pdf> (last visited — September 5, 2018). (in Estonian).
- Sobolev, Anton Igorevich. Karel'skoe nasledie toponimii yugo-vostochnogo Obonezhya [Karelian heritage in the toponymy of southeastern Obonezhya], in *Voprosy onomastiki*. 2015. No. 1 (18). Pp. 47–68. (in Russian).
- Stolyarova, Lyubov Viktorovna; Kashatnov, Sergey Mikhailovich. *Kniga v Drevney Rusi (XI–XVI vv.) [The book in Ancient Russia (11th–16th centuries)]*. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2010. 480 p. (in Russian).
- Suni, Lev Valterovich. Ingermanlandskie finny: Istoricheskiy ocherk [The Ingrian Finns: Historical essay], in *Pribaltiysko-finskie narody Rossii*. Moscow: Nauka Publ., 2003. Pp. 469–484. (in Russian).
- Zherbin, Aleksey Stepanovich. *Pereselenie karel v Rossiyu v XVII v. [Resettlement of Karelians to Russia in the 17th century]*. Petrozavodsk: Gosizdat KFSSR Publ., 1956. 79 p. (in Russian).